

Юные годы.

Воспоминанія о медицинскомъ факультетѣ (1868—73 гг.) Московскаго университета.

отъ уже 39 лѣтъ прошло, какъ я окончилъ курсъ; много времени миновало, а воспоминапія былого встаютъ передо мной, какъ нѣчто живое.

Вы—молодые врачи и студенты нынѣшняго времени—знаете клиники съ пѣвѣйшими приспособленіями, слушаете послѣднее слово науки; вы не можете себѣ представить, каковы были клиники, въ особенности хирургическія, въ наше время, и чему насъ учили погрязшіе въ рутинѣ наши профессора-старики.

Въ мое время студентовъ-медиковъ было немного: помнится, на I-мъ курсѣ насъ было около двухсотъ, а до 5-го дошло не болѣе ста. Формы мы не носили, полицейской власти никакой мы не знали, да и надзора за нами, не только въ домашней жизни, но и въ стѣнахъ университета—не было. При насъ было только два субъ-инспектора: врачъ Богословскій на младшихъ курсахъ и врачъ Добровъ на старшихъ; гдѣ же было имъ двумъ слѣдить за политической нравственностью студентовъ, когда мы слушали лекціи въ разныхъ мѣстахъ: бывало изъ клиникъ на Рождественкѣ идемъ въ Ново-Екатеринскую больницу, а оттуда опять на Рождественку или на Моховую въ старый университетъ; гдѣ же имъ двоимъ было поспѣть, и въ чемъ заключались ихъ обязанности—я не знаю. Бывали и въ наше время сходки на политической почвѣ; ораторъ забирается при этомъ на столъ и говорить рѣчь, но, такъ

какъ ни наше начальство, ни полиція никакихъ насильственныхъ мѣръ не принимали, эти сходки оставались пустыми забавами; да и то сказать, что большинство студентовъ нашего времени относилось къ занятіямъ на медицинскомъ факультетѣ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ политическимъ агитаціямъ.

Приступая къ характеристикѣ уже скончавшихся теперь нашихъ профессоровъ и передавая впечатлѣнія своихъ юныхъ лѣтъ, я хочу оговориться, что излагаю лишь свои личныя воспоминанія, а не говорю за тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые, быть можетъ, имѣютъ иные взгляды.

Важнѣйшій предметъ на первыхъ двухъ курсахъ анатомію читалъ намъ Ив. Матв. Соколовъ¹⁾. Это былъ тучный, высокаго роста брюнетъ лѣтъ 60-ти; широкая борода его сильно серебрилась. Лекціи его были содержательны, и такой сухой предметъ онъ передавалъ съ увлеченіемъ; зналъ онъ анатомію въ совершенствѣ, говорилъ гладко, точно читалъ по книгѣ съ переходомъ въ низкія ноты октавы; иногда прорывались въ его рѣчь семинарскія слова, какъ напр. „arteria alae nasi спускается къ корню носа, а спущаясь, загибается къ крылу онаго“.

Мы слушали его въ анатомическомъ театрѣ; это было особое зданіе въ садикѣ стараго университета и выходило въ Долгоруковскій переул.—Здѣсь, направо изъ швейцарской была большая зала, пропитанная трупнымъ запахомъ, единственнымъ вентиляторомъ для которой служилъ каминъ. Въ залѣ стояло около 30-ти черныхъ столовъ и табуретки; по вечерамъ она не освѣщалась, и студенты, желавшіе заниматься на трупахъ вечеромъ, должны были приносить съ собой свои свѣчи и спички. Тутъ же производились и судебно-медицинскія вскрытія для студентовъ 4—5 курсовъ. Трупы сохранялись въ подвальномъ этажѣ десятками; тамъ было холодно, но льду не было, не было и вентиляціи. Отъ труповъ, назначенныхъ за ненадобностью къ погребенію, сторожа очищали кости тутъ же вываривали ихъ и продавали студентамъ (помнится,—связанный проволоками скелетъ за 15—20 р., не связанный за 5 р.).

Прямо изъ швейцарской вела дверь въ большую, высокую, въ 2 свѣта, аудиторію со скамьями полукругомъ амфитеатра, а налѣво были кабинеты профессора и его прозектора, гдѣ послѣдній приготавливалъ препараты для лекцій.

Собираясь записывать лекцію, я, какъ неопытный юнецъ, поло-

¹⁾ Прим. для лицъ, не бывавшихъ на лекціяхъ: принятое выраженіе „читать лекціи“ не означаетъ чтеніе по книгѣ или по запискамъ; профессора, за рѣдкими исключеніями, излагаютъ предметъ устно.

жилъ свою тетрадку на единственный столъ передъ передней скамьей амфитеатра. Ознакомивъ слушателей съ общимъ плавомъ своего предмета, Соколовъ приказалъ сторожамъ принести трупъ. Дверь широко растворилась, и 2 сторожа, ухвативъ за руки и за ноги, тащатъ трупъ прямо къ намъ: ближе и ближе; я думаю, зачѣмъ же они несутъ его сюда? Давно бы пора положить его тамъ поодаль. И вотъ, этотъ вонючій трупъ съ позеленѣвшимъ животомъ, съ ввалившимися открытыми глазами на темно-синемъ лицѣ, они бросили на столъ, при чемъ его рука откинулась и легла на мою чистенькую тетрадку. Я чуть было не вскочилъ изъ-за стола отъ непривычной гадливости, но стыдно было товарищѣй; удержался. Хотѣлъ было перейти на юридическій факультетъ, но мой братъ Нилъ (онъ былъ тогда на 4 курсѣ, потомъ профессоръ дѣтскихъ болѣзней) увѣрилъ меня, что привыкну. И дѣйствительно, явилась такая привычка, что при работѣ на трупѣ, бывало ѣшь булку, колбасу, а домой случалось приносить прилипшіе къ волосамъ кусочки жира или мяса, почему-то попадавшіе на голову и бороду. Соколовъ кончалъ въ 2 года теоретическую анатомію съ демонстраціями на трупахъ, которые приготавливалъ ему замѣчательно изящно его прозекторъ Никитинъ. Этому послѣднему мы сдавали еженедѣльно экзамены уже на 2 курсѣ по препаратамъ отдѣльныхъ частей тѣла (рука, нога, голова и проч.). Чтобы изучить внутренности и общее расположеніе сосудовъ и нервовъ, намъ выдавали цѣльные трупы на группу въ 8—10 человекъ.

Изъ прикладныхъ предметовъ (зоологія, неорганическая химія, ботаника, минералогія и физика) первые два имѣли значеніе для медика, а послѣдніе въ томъ размѣрѣ, какъ было имъ удѣлено время, составляли излишній баластъ. Во всю мою жизнь я не видѣлъ никогда въ библиотекѣ врача ни одной книги по ботаникѣ и минералогіи, какъ совершенно медьку не нужныя. Изъ лекцій по минералогіи (Толстомятовъ) я помню теперь только, что есть какой-то октаэдръ и какой-то додекаэдръ, а изъ ботаники, что гдѣ-то въ цвѣткѣ есть пестикъ и какая-то тычинка; до сѣдыхъ волосъ дожилъ, а пожалѣть, что не знаю ничего больше изъ этихъ предметовъ, мнѣ не пришлось.

По физикѣ мы знали изъ гимназическаго курса много больше того, что читалъ намъ Любимовъ. Какой это былъ бездарный профессоръ! Опыты его никогда не удавались, и мы смотрѣли на него не какъ на профессора, а какъ на самаго плохого учителя гимназіи. Онъ былъ сподвижникъ несимпатичнаго намъ Каткова, жалкій послѣдователь его идей, да при томъ не умный и потому вызывалъ къ себѣ полное пренебреженіе.

Противоположность Любимову составлялъ Анат. Петровичъ Богдановъ, извѣстный ученый зоологъ. Излагалъ онъ свой предметъ прекрасно, при чемъ знакомилъ насъ именно съ тѣми животными, которые могутъ быть названы „болѣзнетворныя чужеродныя“, нужныя для изученія медику (отдѣлъ о глистахъ, чесоточный клещъ, вошь и т. п.). Его программа не вмѣщалась на I курсѣ, и потому онъ читалъ и на 2-мъ, а для желавшихъ заниматься болѣе серьезно, (насъ было, помнится, 6 человекъ), онъ удѣлялъ 2 часа по воскресеньямъ и читалъ уже не въ аудиторіи, а въ своемъ кабинетѣ.

Выдающимся лекторомъ былъ и Лясковскій по неорганической химіи. Начавъ свою карьеру аптекарскимъ ученикомъ при какой-то аптекѣ, онъ сталъ не только профессоромъ, но и извѣстнымъ ученымъ своими работами по химіи.

Мнѣ и теперь стыдно вспомнить о своемъ казусѣ на экзаменѣ Лясковскаго. Дѣло въ томъ, что по уставу 63 года лекціи изъ прикладныхъ предметовъ на 2-мъ курсѣ не читались, но экзаменъ изъ нихъ производился еще разъ при переходѣ со 2-го курса на 3-й, при чемъ оканчивающимъ курсъ дозволялось держать экзаменъ прямо на доктора медицины при условіи, если эти желающіе имѣли изъ этихъ предметовъ отмѣтки въ среднемъ выводѣ не менѣе $4\frac{1}{2}$. Очевидно, и сами профессора считали свои предметы для медика не существенными и потому со 2-го на 3-й курсъ не экзаменовали, а выставляли прошлогоднюю отмѣтку, предлагая экзаменоваться желающимъ поправить ее. До $4\frac{1}{2}$ мнѣ при переходѣ на 2-й курсъ чего-то не хватало; а что, думалъ я, если захочу держать прямо на доктора, досадно будетъ; лучше поправить, и дернула меня легкая „сунуться въ воду, не узнавши броду“. Не усвоивъ себѣ основныхъ законовъ химіи на I курсѣ, я вздумалъ теперь приготовить по литографированному конспекту, что, конечно, невозможно, и вотъ бѣда моя подошла. Вынулъ билетъ, сталъ обдумывать, и, какъ говорится, „ни въ зубъ“. На заданный мнѣ вопросъ Лясковскій поморщился; еще вопросъ, еще... я опять несу чепуху. Не только отвѣчать на вопросы, но даже и понять ихъ не могу... во рту у меня пересохло, въ ушахъ звенить. Я переживалъ тотъ же ужасъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ меня несла лошадь и поводья лопнули. Она несла меня въ пространство безпомощнаго такъ же, какъ теперь меня носилъ по невѣдомому мнѣ полю экзаменаторъ. Я ничего передъ собой не видѣлъ, а только ясно вспоминалъ свой ужасъ на бѣшеномъ конѣ. Наконецъ, я очнулся и услышалъ вопросъ:

— Что произойдетъ, если налить соляную кислоту на мраморъ? Это, г. студентъ, мой послѣдній вопросъ.

Я отвѣтилъ, что произойдетъ шипѣніе и отдѣлится угольная кислота.

Послѣ этого онъ участливо и, какъ бы извиняясь, сказалъ: „съ вами, г. студентъ, что-то непонятное: или вы съ химіей совсѣмъ не знакомы, или, можетъ быть, вы не здоровы, у васъ такой видъ, завтра приходите еще разъ, а теперь я вамъ переправить вашу прошлогоднюю тройку не могу!“

Куда тутъ—еще и завтра. Я едва до своего мѣста добрался. Добрый онъ былъ; другой бы эту тройку на единицу переправилъ за нахальство.

Да, какъ тогда меня спасло шипѣніе грязи, когда я вылетѣлъ изъ сѣдла въ тонкое болото, такъ и теперь спасло меня шипѣніе!

Лясковскій излагалъ предметъ увлекательно, всегда опыты, реакціи иллюстрировали его краснорѣчивую рѣчь; это былъ выдающійся профессоръ.

Кромѣ Любимова непріятное чувство является при воспоминаніяхъ о священникѣ Сергіевскомъ, читавшемъ „Богословіе“. Съ подстриженными въ кружалы волосами и аккуратно подрѣзанной бородой, онъ носилъ изящную шелковую рясу, крахмальные стоячіе воротнички, манжеты и вообще силился изобразить изъ себя франта. Говорили, что онъ ученый, что стричься ему позволяютъ потому, что онъ племянникъ митрополита Филарета.

Въ чемъ заключалось его изложеніе Богословія, я такъ и не понялъ; въ его лекціяхъ былъ наборъ пышныхъ фразъ и брань противъ Ренана, Гегеля; доставалось и Малешоту и Фохту! Право же, было бы полезнѣе, если бы онъ свою филиппику оставилъ при себѣ, потому что своей критикой знаменитыхъ мыслителей онъ никого не могъ убѣдить, а напротивъ, я зналъ такихъ студентовъ, которые, не слыхавши раньше о существованіи этихъ ученыхъ, возбуждались къ нимъ интересомъ только теперь, послѣ натяну- таго опроверженія ихъ ученія Сергіевскимъ, доставали ихъ сочиненія и увлекались ихъ идеями! Его лекціи были до того снотворны, его философскій семинарскій языкъ былъ такъ непонятенъ, что, несмотря на то, что онъ читалъ лекціи для первыхъ курсовъ всѣхъ факультетовъ, эта общая аудиторія не была многолюдна. Бывало, зубришь его литографированныя лекціи къ экзамену, и не возможно выкинуть изъ головы мысль: „зачѣмъ эти разсужденія по Богословію нужны врачамъ. Пусть бы ими упивались священники, миссіонеры; мы-то тутъ при чемъ?!

А вотъ еще курьезъ: лекторъ Фелькель.

Гимназія не давала тогда (да и теперь, кажется, тоже) никакихъ познаній по нѣмецкому языку. Въ университетѣ многіе сту-

денты набрасывались на новые языки, чтобы читать научныя книги въ подлинникахъ; другіе же такъ и оставались, не понимая ни одного слова. Для тѣхъ и другихъ Фелькель являлся совершенно лишнимъ; онъ не могъ себѣ усвоить свое положеніе; ему никто не сказалъ, что онъ будетъ имѣть слушателей, едва умѣющихъ прочесть по-нѣмецки чуть не по складамъ, и онъ читалъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ и аккуратно приходилъ въ свой часъ въ громадную аудиторію юридическаго факультета, ему, почему-то, для лекцій назначенную.

— Вы куда идете? встрѣтилъ я разъ товарища Крылова.

— На лекцію нѣмецкаго языка.

— Да развѣ у насъ есть такая каведра?

— Какъ же, есть и экзамень будетъ.

— Вотъ такъ штука, смутился я. И много слушателей?

— Нѣтъ,—смѣется Крыловъ,—иногда я одинъ, если не зайдутъ по ошибкѣ 2—3 юриста, не ожидая встрѣтить въ своей аудиторіи нашего нѣмца. Пойдемте со мной.

Когда мы вошли, Фелькель былъ уже за каведрой, и тотчасъ началось представленіе.

Я зналъ нѣмецкій языкъ, но долго не могъ уяснить себѣ, къ чему клонится рѣчь лектора, наконецъ понялъ, что онъ восхищается нѣмецкой литературой. Говорилъ онъ громкимъ голосомъ, жестикулировалъ, тыкалъ пальцемъ въ какую-то толстую книгу, лежавшую передъ нимъ, призывая ее въ свидѣтели правдивости своихъ словъ.

Вышли мы угнетенные, потому что это продолжалось около часа.

— Вы знаете нѣмецкій языкъ?—спросилъ я Крылова.

— Знаю только 2 слова: „гутъ“ да „моргенъ“.

— Зачѣмъ же вы ходите?

— Жалко мнѣ этого старика. Я, какъ-то, зашелъ къ нему также случайно, какъ вотъ вы теперь; онъ обрадовался, читалъ одному, а потомъ пожалъ мнѣ руку и что-то говоритъ по-своему, какъ будто, не то благодарить, не то зоветь на слѣдующую лекцію; я ему говорю: „гутъ, гутъ, моргенъ“; теперь вотъ ужъ совѣстно его оставить. Иногда я ему дѣлаю бенефисъ, затащу человѣкъ трехъ, четырехъ.

— А экзамень то какъ же будутъ сдавать?

— Не знаю...—и мы, вспоминая жестикуляцію нѣмца, помирали со смѣху.

Вотъ какія были въ наше время чудеса!

Экзамень его я совершенно не припомню; даже не помню, былъ ли экзамень.

О Гивартовскомъ (фармація), Богословскомъ (токсикологія), Найденовѣ (накожные болѣзни) не могу ничего сказать ни за, ни противъ, какъ о профессорахъ, ничѣмъ не выдающихся. И. Я. Бредихинъ (мочеполовые органы) захватилъ было наше особое вниманіе, но очень скоро заболѣлъ и скончался.

Кто изъ насъ не помнитъ Павла Иван. Медвѣдева? Его забыть нельзя по его чисто отрицательнымъ свойствамъ, да и наружность его была отрицательная. Сѣдые, гладко-причесанные волосы покрывали его маленькую головку съ плоскимъ лбомъ (microcoefalia). Онъ входилъ въ аудиторію робко озираясь, какъ будто ему самому было не ловко, что ему предоставлена такая честь—быть профессоромъ.

Читалъ онъ, не отрывая глазъ отъ тетрадки изъ года въ годъ одно и то же; для него не было движенія науки. Весь курсъ гігіены и діететики ограничивался 40—50 страницами литографированныхъ лекцій; большихъ познаній не могла вмѣстить его крошечная головка. Конечно, ничего научнаго изъ его лекцій мы приобрѣсти не могли, а между тѣмъ эта наука уже и въ то время занимала важное мѣсто въ медицинѣ. Лекція его состояла, напр., въ томъ, что „потолокъ въ избѣ или домѣ долженъ находиться на извѣстномъ разстояніи отъ пола“. (Sic!) ... „отопленіе зимой производится топливомъ изъ дровъ, каменнаго угля или соломы“. (Sic!). (Въ кавычкахъ приведены слова изъ его лекціи безъ утрировки, я ихъ отлично помню). На экзаменѣ достается билетъ „одежда“.

— Что я вамъ, г. студентъ, читалъ объ одеждѣ?—спрашиваетъ этотъ несчастный.

— Одежда бываетъ изъ тканей шелковыхъ, шерстяныхъ и полотняныхъ.

— Хорошо-съ. А еще что?

— Еще вы читали, что зимой люди носятъ шубы и шапки!

— Прекрасно, г. студентъ; и ставитъ 5.

Каково же было наше удивленіе, когда мы, думая, что вся наука о гігіенѣ заключается въ такихъ пустякахъ и вмѣщается въ 40—50 страницахъ, вдругъ видѣли послѣ—толстые томы по гігіенѣ. О, какъ были счастливы тѣ, которые, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Медвѣдева, слушали Ѳ. Ѳ. Эрисмана! Это было уже живое слово науки, той самой науки, которую нашъ Медвѣдевъ просто оскорблялъ своей бездарностью. Непостижимо, какъ могъ Совѣтъ Университета избрать такого профессора.

Гроза студентовъ былъ въ мое время Булыгинскій, читавшій физиологическую химію; его лекціи были на высотѣ современной

науки, но читалъ онъ до такой степени монотонно, унылымъ голосомъ, что силъ не хватало его слушать. Предметъ этотъ трудный особенно для тѣхъ, кто не былъ основательно знакомъ съ неорганической и органической химіей. Для такихъ (въ числѣ которыхъ былъ и я)—это былъ лѣсъ дремучій, и выбраться изъ него было очень тяжело.

А вотъ свѣтлая личность—Александръ Иванъ Бабухинъ, первый изъ русскихъ ученыхъ, поставившій гистологию на должную высоту, а своими учеными изслѣдованіями онъ составилъ себѣ имя не только у насъ, но и за границей. Какое прекрасное воспоминаніе оставилъ онъ о себѣ среди его учениковъ. Онъ читалъ мало, но за то, какъ читалъ. Аудиторія его была всегда переполнена, и когда его лаборантъ А. Ѳ. Шнейдеръ объявлялъ намъ, что сегодня А. И. читать не будетъ, на всѣхъ лицахъ было видно разочарованіе. Его талантливое изложеніе было полно новизны и прелести; его особая дикція, бархатный голосъ и своеобразная манера говорить запечатлѣвали въ памяти каждое слово. Кромѣ теоретическихъ лекцій мы занимались у него практически въ его кабинетѣ съ микроскопами. Всегда въ драповомъ короткомъ пальто, накинутомъ на плечи, и въ круглой безъ полей шапкѣ онъ работалъ тутъ же за особымъ столикомъ, но нерѣдко обходилъ наши группы для объясненій намъ. Во время своего студенчества Бабухинъ былъ участникомъ громкой исторіи въ столкновеніи студентовъ съ полиціей и въ числѣ избитыхъ студентовъ оказался онъ такъ сильно, что долго лежалъ въ клиникѣ проф. Иноземцева (знаменитость того времени). Этотъ послѣдній и выдвинулъ его, какъ талантливую личность. Въ началѣ 90-хъ годовъ Бабухинъ умеръ отъ нервной болѣзни.

Совсѣмъ не то былъ профессоръ физиологіи Шереметьевскій; это былъ труженикъ, но не оставившій по себѣ хорошей памяти; дикція у него была снотворная, и слушатели его усиленно таращили глаза, чтобы не уснуть. Изъ живой, интересной науки выходила какая-то каша. Не разъ мы думали: „вотъ, Сѣченова бы къ намъ. Если бы Сѣченовъ да Бабухинъ, какъ подняли бы эти два колосса нашъ факультетъ; было бы лестно считать себя ученикомъ такихъ геніальныхъ учителей. (Сѣченовъ былъ профессоромъ у насъ уже много лѣтъ спустя послѣ смерти Бабухина)“.

При характеристикѣ Шереметьевского мнѣ вспоминается диссертация Войнова, потомъ доцента офталмологіи нашего университета. Свѣтлая была личность. По окончаніи курса онъ работалъ года 2 у извѣстнаго физиолога Гельмгольца; написанная тамъ диссертация по офталмологіи имѣла основаніемъ физиологическія изслѣ-

дованія. Оппонентами были назначены проф. главныхъ болѣзней Браунъ и физиологъ Шереметьевскій. Обыкновенно, при диспутахъ на защитѣ происходитъ обмѣнъ мнѣній: оппонентъ указываетъ на тѣ или иныя упущенія въ работѣ, диссертантъ возражаетъ; не посвященная въ данный предметъ публика рѣдко улавливаетъ, кто остался побѣдителемъ въ диспутахъ; тѣмъ дѣло и кончается. Защита Войнова имѣла совсѣмъ иной характеръ.

Какъ только Шереметьевскій дѣлалъ нападки на тѣ или иные выводы Войновской работы, то Войновъ, не входя въ бездоказательные споры, вынималъ изъ-подъ каѣдры работу изъ кабинета Гельмгольца, по которой и прочитывалъ доказательства своихъ выводовъ; споръ прекращался, оппонентъ переходилъ къ другому тезису, опять являлись изъ-подъ каѣдры тѣ же неопровержимыя доказательства. Такимъ образомъ, всѣмъ становилось ясно, что оппонентъ не только разбитъ на всѣхъ пунктахъ, но и доказана была его полная отсталость отъ новѣйшей литературы по физиологiи. Всѣ эти статьи, брошюры, диссертациа, извлеченныя изъ-подъ закрытой каѣдры, Войновъ складывалъ на каѣдру, гдѣ и образовалась порядочная горка. На смѣну Шереметьевского выступилъ Браунъ, которому тоже пришлось замолчать. Не помню, были ли еще оппоненты, но помню, что послѣднiй ударъ Войновъ нанесъ нашимъ профессорамъ тѣмъ, что, по окончанiи защиты, онъ ясно доказалъ самъ отсталость своей работы, ибо не мало времени прошло на напечатанiе ея, да на разсмотрѣнiе ея факультетомъ, а тѣмъ временемъ изъ кабинета Гельмгольца, Гейденгайна и другихъ вышли новыя работы, и онъ сталъ самъ разбивать пунктъ за пунктомъ свои выводы. Всѣмъ стало ясно, что все это могъ сдѣлать нашъ физиологъ, если бы онъ слѣдилъ за работами нѣмецкихъ ученыхъ. Торжество защиты оказалось доселѣ небывалое.

Горячая дѣятельность Войнова была выдающейся; онъ написалъ много серьезныхъ работъ; редактировалъ переводы студентовъ по учебникамъ офталмологiи; основалъ физико-медицинское общество, гдѣ былъ избранъ предсѣдателемъ, читалъ лекциа, открылъ свою лѣчебницу и быстро приобрѣлъ извѣстность, какъ въ Москвѣ, такъ и за границей... Онъ умеръ 28—30 лѣтъ отъ галопирующей чахотки.

Матюшенковъ... можетъ ли кто изъ студентовъ того времени забыть старца этого, читавшаго теоретическую хирургию по засаленной, пожелтѣвшей отъ времени тетрадки? Во время чтенiя нѣсколько гнусавилъ, чмокалъ и точно жевалъ что-то; слушать его было невыносимо, въ памяти ничего не оставалось; хотя мы были только на 3 курсѣ совсѣмъ незнакомые съ хирургiей, но инстинк-

тивно чувствовалось, что онъ читаетъ намъ не настоящую хирургию, а давно прошедшую, брошеную, всѣмъ свѣтомъ забытую.

Среди года онъ, обыкновенно, приносилъ съ собой цѣлую кипу брошюръ, давно имъ напечатанныхъ „Ученіе объ опухоляхъ и ихъ гистологическомъ строеніи“¹⁾, которыя онъ раздавалъ студентамъ, и этотъ его обычай, извѣстный намъ отъ старшихъ курсовъ, заставлялъ посѣщать его лекціи, ибо не было извѣстно, въ какой день произойдетъ эта перекличка слушателей, и отсутствовавшіе студенты уже должны были бояться экзамена. Матюшенковъ когда-то написалъ эту единственную работу и этимъ гордился.

Соколовскій (фармакологія). Не знаю, былъ ли онъ даровитый или бездарный, былъ ли онъ ученый или неучъ, но знаю его толстую книгу фармакодинамику, потому-что такую безтолковщину забыть нельзя. Представьте себѣ, что книга страницъ 500 была испещрена именами различныхъ изслѣдователей, но, такъ какъ, сплошь и рядомъ, они при опытахъ своихъ рѣзко противорѣчили одинъ другому, а самъ авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился, на чьей сторонѣ истина, то подобныя цитаты сотенъ изслѣдователей доводили читающаго книгу до изступленія. Читаешь, напримѣръ, цѣлый рядъ именъ: X впрыскивалъ такой-то алколоидъ подъ кожу собакъ, получалъ повышеніе давленія крови, б и в не получили, г напротивъ нашель, что этотъ алколоидъ понижаетъ давленіе; или: такіе-то (цѣлый рядъ именъ) видѣли отъ такого-то средства расширеніе зрачка на опытахъ съ лисицей, а такіе-то (опять цѣлый рядъ именъ) видѣли, что расширеніе зрачка у лисицы не бываетъ, но за то отмѣтили сокращеніе сосудовъ у кроликовъ.

И сотни страницъ его книги полны такимъ сумбуромъ; читаешь и ждешь вывода, гдѣ же истина? И вдругъ въ концѣ концовъ узнаешь, что это средство къ человѣку не примѣнялось, да, вѣроятно, и не будетъ примѣнено. Фу, чортъ, изъ-за чего я трачу время; вѣдь не лисицъ же я буду лѣчить?!

Экзаменовалъ онъ строго, придерживаясь этой своей книги, и ее надо было покупать лично у него (цѣна 3 р.), что и заставляло студентовъ вносить ему деньги. Особенно не любилъ онъ пропускать прямо на доктора. Изъ насъ держало двое (Малыгинъ и Клейнеръ); жаль было смотрѣть на этихъ мучениковъ; Соколовскій каждого держалъ часа по 2, да мало того, сегодня прогнать, а завтра опять часа 2, что-то нѣсколько дней они маялись у него.

Когда теперь, на склонѣ жизни, окинешь взглядомъ всю эту процедуру, какъ дико кажется приготовленіе къ экзаменамъ изъ

¹⁾ Точное заглавіе не помню; если измѣнилъ, прошу извинить. П. Ф.

тѣхъ предметовъ, которые затѣмъ никогда въ жизни не понадобились и были забыты съ момента сдачи экзамена. Соколовскій нерѣдко отрицалъ дѣйствія медикаментовъ и не вѣрилъ въ нихъ. Напримѣръ, было такъ: онъ закончилъ свою послѣднюю лекцію словами: „и такъ весь курсъ фармакологіи я кончилъ“, но порядочная группа студентовъ обступила его и напомнила, что онъ не читалъ о минеральныхъ водахъ. Онъ согласился съ этимъ, сѣлъ снова за кафедру и сказалъ: „миѣ еще остается ознакомить васъ съ чудеснымъ дѣйствіемъ на организмъ минеральныхъ водъ, и я ознакомлю: ихъ пьютъ стаканами, однимъ стаканомъ больше, однимъ меньше—это все равно, градусомъ выше, градусомъ ниже—тоже все равно.—Вотъ и все о минеральныхъ водахъ“.

Судебную медицину читалъ Д. Е. Минъ, а судебно-медицинскія вскрытія труповъ дѣлались чаще его прозекторомъ Нейдингомъ (потомъ профессор.). Намъ (на 5-мъ курсѣ) это не дозволялось, а между тѣмъ, я считаю это необходимымъ; вѣдь, большинство врачей попадало въ захолустье (земскіе, городовые врачи), и они должны были сразу встрѣчаться съ дѣйствительностью экспертизы. Какая разница — производить вскрытіе подъ руководствомъ знатока или послѣ одному самостоятельно, видѣвши лишь раньше черезъ толпу, окружающую столъ, что профессоръ что-то рѣжетъ, что-то вынимаетъ и вынутое опять какъ-то разрѣзаетъ. Хорошій былъ профессоръ и всѣми уважаемый И. Ѡ. Клейнъ, читавшій патологическую анатомію. Конечно съ демонстраціями на трупахъ и микроскопией.

П. Ѡ. Филатовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

